

Н. А. Антанович

Белорусский государственный университет, Минск

N. A. Antanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.1+341.231

ДИНАМИКА ТРАКТОВОК ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ¹

DYNAMICS OF INTERPRETATIONS OF IDENTITY POLITICS IN THE WESTERN POLITICAL SCIENCE

В статье проведен анализ научных публикаций, посвященных проблемам политики идентичности в западной политологии. Термин «политика идентичности» применялся в политическом дискурсе западных стран в связи с развитием феминизма как идеологии, движениями за гражданские права, гендерную свободу, разнообразие и инклюзивность. Показаны трансформации смыслового наполнения термина «политика идентичности» в связи с политической практикой меньшинств, а также деятельностью политических партий. От политической и смысловой «дисперсии» политика идентичности дрейфует в сторону ее понимания как аспекта внешней политики государства, субъектности государства на международной арене, признания ее влияния на развитие государственности и защиту государственного суверенитета.

Ключевые слова: политика идентичности; обзор литературы; права меньшинств; национализм; внешняя политика; государственная политика идентичности; конструирование национальной идентичности.

The article analyzes scientific publications devoted to the problems of identity politics in Western political science. The term "identity politics" has been used in the political discourse of the Western countries in connection with the formation of feminism as an ideology, movements for civil rights, for gender freedom. The transformations of the semantic content of the term "identity politics" are shown in connection with the political practice of minorities, as well as the activities of political parties. From political and semantic "dispersion", identity politics is drifting toward understanding it as an aspect of the state's foreign policy, the subjectivity of the state in the international arena, and the recognition of its influence on the development of statehood and the protection of state sovereignty.

Keywords: identity politics; literature review; minority rights; nationalism; foreign policy; state identity politics; construction of national identity.

Идентичность, трактуемая в широком смысле как личностная характеристика, акцентирует тождественность внутреннего «Я» самому себе, стремление к подлинности бытия. Политическую перспективу идентичность приобретает в силу групповой артикуляции субъектами определенных проблем, исходя из их социального опыта. Теория и практика *политики идентичности* демонстрирует ее многоуровневость, а также неоднознач-

¹ Статья подготовлена в рамках НИР 2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.).

ность трактовок. В западной политической науке смысл политики идентичности (identity politics) варьируется. Термин «политика идентичности» применялся в политическом дискурсе западных стран с конца 1960-х гг. в связи с развитием феминизма как идеологии, движениями за гражданские права, гендерную свободу, разнообразие и инклюзивность. В западной политологии получили распространение трактовки политики идентичности как «политической или социальной деятельности, реализуемой на расовой, этнической, культурной, религиозной, гендерной или другой групповой основе от ее имени, обычно предпринимаемой с целью исправления несправедливости, от которой страдают члены группы» (Энциклопедия «Британика») [1].

В российской политологии политику идентичности с фокусировкой на деятельности государства в ее формировании (государственная политика идентичности) разрабатывает ряд авторов: В. А. Ачкасов, О. В. Бахлова, И. В. Бахлов, А. А. Вилков, Н. В. Гришин, Р. В. Евстифеев, В. В. Титов, И. С. Семененко, О. В. Попова, Л. А. Фадеева и др. В 2023 г. опубликовано учебное пособие «Политика идентичности: понятия, смыслы, практики» [2]. Среди белорусских авторов – Е. М. Бабосов, В. Н. Ватыль, В. В. Данилович, Л. Е. Земляков, Г. Г. Краско, И. А. Марзалюк, А. А. Мушта, Г. И. Осадчая и др. В упомянутом пособии «Политика идентичности» политическая идентичность определяется как комплекс «идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом» [2, с. 12].

Цель статьи – проследить динамику трактовок политики идентичности в западной политологии, ее влияние на развитие государственности и защиты государственного суверенитета.

В Стэнфордской энциклопедии философии *политику идентичности* «в либеральном капитализме» определяют как «спектр политической деятельности и теоретизирования, основанный на общем опыте несправедливости по отношению к определенным социальным группам» [3]. Анализируемый вид политики связывают с обеспечением политической свободы для маргинализируемых политических сил. Идейным предшественником известных движений за гражданские права в США (афроамериканцев, американских индейцев) признается Франц Фанон (теоретик движения «новых левых»), а феминизма – Мэри Уолстонкрафт (британская писательница XVIII в.), Бетти Фридан (американская писательница-феминистка XX в.) и др. [3]. К политике идентичности относят социальные движения, опирающиеся на традиции антирасизма (движения MeToo, Black Lives Matter), возрождения коренных народов, феминизма, сексуального освобождения, различных форм борьбы за инклюзивность (к примеру, защита прав инвалидов). Совокупно они реализуются в рамках комплекса мер, применяемых

в США и англосаксонских странах под названием *DEI* (Diversity, Equity, Inclusion) – *разнообразие, равенство, инклюзивность*.

Приведенная выше трактовка идентичности подвергается критике, которая основывается на тезисе, что практика защиты прав меньшинств приводит к углублению социальных конфликтов и противодействию либеральным свободам в силу попыток отдельных групп добиться защиты своих интересов в ущерб другим группам. Приведем высказывания из Стэнфордской энциклопедии философии: «Опасность политики идентичности заключается в том, что она выставляет в качестве подлинного самопонимание некой группы, которое на деле определяется оппозицией к доминирующей идентичности», продвижение групповой идентичности «усиливает репрессивную иерархию... Либеральный капитализм усиливает “травмированные идентичности”... Политика идентичности – продукт как “крайне правого популизма”, так и “либерального неодобрения”» [3].

Ф. Фукуяма в статье «Против политики идентичности: новый трайбализм и кризис демократии» (2018 г.) также подверг критике трактовку политики идентичности. Он писал, что XX в. был веком экономики в политике, когда шла борьба за права трудящихся, за социальное обеспечение под левыми лозунгами и сокращение госаппарата за счет замены государственных услуг частным рынком поставок – под правыми лозунгами. В XXI в. левые сосредоточились на продвижении интересов маргинализированных групп (этнических меньшинств, иммигрантов, беженцев, ЛГБТ-сообществ), правые же стали выступать за защиту национальной (государственной) идентичности, за патриотизм [4, р. 91]. Идеи Ф. Фукуямы демонстрируют дихотомии: выбор между признанием и перераспределением (материальных благ), между культурными и экономическими факторами. Как мы видим, западные авторы приходят к выводам об ограниченности трактовки политики идентичности лишь в формате защиты групповых интересов, пусть и ущемленных. Признается не меньшая значимость глубокой связи политики идентичности с вопросами власти и ее легитимности в целом.

Некоторые западные ученые [5] в противовес точке зрения Ф. Фукуямы признают, что идентичность в определенных ее формах связана с экономическим статусом и социально-экономическим неравенством. Отсылки в этом плане делаются к марксистскому выводу о том, что отдельные рабочие для защиты своих интересов должны идентифицировать себя с пролетариатом, а не просто определять свою приверженность группе по этнокультурному или региональному признаку. С. М. Липсет и С. Роккан в статье 1967 г., посвященной изучению структуры социальных расколов в западных странах, писали, что «продуктами промышленной революции» были конфликт между земельными интересами и растущим классом промышленных предпринимателей, конфликт между владельцами и работодателями, с одной стороны, и арендаторами и рабочими – с другой. Применительно к XX в., напротив, С. М. Липсет и С. Роккан описывали изменения политических

систем западных стран как отражение сдвига идентичностей больших социальных групп [6]. Они отмечали изменения социальных идентичностей, их движение от классового конфликта к конфликту между приверженностью к универсальным «глобальным» и национальным ценностям.

Еще одно направление трактовки политики идентичности связывает ее с выборами, электоральным процессом, деятельностью политических партий. Г. Табеллини и Н. Дженнайоли (Университет Л. Боккони, Италия) в статье «Идентичность, убеждения и политический конфликт» (2019) утверждают, что применительно к странам Западной Европы и США «национализм и популизм получили поддержку практически везде, часто за счет основания новых партий. Возникли новые измерения конфликта: по вопросам иммиграции, глобализации и гражданских прав, взамен классического разделения по вопросам перераспределения благ» [7]. Решение указанных вопросов связано с пониманием групповой идентичности, ее влияния на политическое поведение в целом. Г. Табеллини и Н. Дженнайоли утверждают, что «социальные идентичности переключаются с конфликта бедных против богатых на конфликт глобалистов и националистов» [7]. Вывод сделан на основе эмпирического анализа в США и странах Западной Европы: «...бедные избиратели, которые традиционно идентифицировали себя с левыми силами, теперь привлекаются национализмом, потому что он соответствует как их культурным взглядам, так и торговым предпочтениям» («эффект импортных шоков») [7].

Применительно к деятельности партий политика идентичности означает выработку стратегии политической мобилизации сторонников и позиционирование по отношению к конкурентам. При этом различают «политику солидарной идентичности» и «политику оппозиционной идентичности». Первая подчеркивает внутреннюю сплоченность партии, вторая – использование чувства «мы против них» [8].

Итак, проведенный анализ продемонстрировал динамику трактовок политики идентичности в западной политологии. Политика идентичности, реализуемая как выражение и защита лишь прав меньшинства, была подвергнута резкой критике. Меньшинства стремятся формировать общенациональную повестку, связанную в том числе с пересмотром традиционных ценностей, встречая сопротивление общества. Это проявилось в поддержке Д. Трампа на выборах 2024 г. в США, в резкой критике DEI (меры по укреплению разнообразия, равенства, инклюзивности) И. Маском в 2025 г.

В XXI в. наряду с трактовкой политики идентичности с точки зрения «обеспечения равных прав меньшинств» [5] политику идентичности связывают с *деятельностью государства в целом*. Отметим, что ускорение протекания социально-политических процессов и социального времени ведет к изменениям «жизненного цикла политических теорий». Российские исследователи Б. А. Исаев и А. С. Власкина считают, что «длительность жизненного цикла современных политических теорий сравнительно невелика»

в силу бурного развития науки, научно-технологической революции, появления новых концепций, увеличения концентрации ученых, работающих в одном исследовательском направлении [9, с. 44].

Российский исследователь политики идентичности Н. В. Гришин в статье «Государство как субъект политики формирования идентичности» (2019) писал, что в англоязычной литературе «отсутствует термин, подходящий для обозначения государственной политики по формированию идентичности» [10, с. 67]. Он также фиксирует движение западной политической мысли к изучению роли государства в выработке политики идентичности [11] и отмечает исследование Р. Брубейкера «Пересмотр национализации государств: проекты и процессы национализации в постсоветских государствах» (2011). «Именно в работах Р. Брубейкера в качестве субъекта политики идентичности стало рассматриваться государство, а не только правящие элиты» [11, с. 231].

Р. Брубейкер изучил политику Эстонии, Латвии, Украины и Казахстана как «национализирующихся государств» с учетом следующих факторов: этнополитической демографии, языковой практики, экономики и политики. В Эстонии и Латвии государственная политика была изначально ориентирована на «защиту, укрепление и расширение прав и возможностей основной нации как четко ограниченной общности, но впоследствии стала более ассимиляционистской...». В Казахстане, несмотря на официальную инклюзивную риторику, государственная политика служила «в первую очередь укреплению основной нации», в Украине – «изменению культурных практик, лояльностей и идентичностей, тем самым... расширяя основную нацию» [12].

Наряду с понятием «политика идентичности» (identity politics) в западной политической науке применяется понятие «построение/конструирование национальной идентичности» – *construction of national identity* [13]. Концепт конструирования национальной идентичности увязывается с развитием государственности и защитой государственного суверенитета. Признается «переход от этнической идентичности к национальной, сопровождаемый механизмами стратегии национального строительства» [13]. М. Альмагро и Д. Андрес-Сересо в статье «Формирование национальной идентичности» (2020) признают роль централизованной политики по формированию идентичности для международной субъектности государства: важна «динамика политики национального строительства и условия, при которых государство может продвигать общую национальную идентичность на своей территории. Дальновидное центральное правительство интернализует динамику идентичности, формирует ее, выбирая уровень государственной централизации» [14, р. 764].

В последние годы в связи с ростом национализма и популизма в западной политике и в социально-политической науке распространяется понимание политики идентичности как аспекта внешней политики государ-

ства, идентичности и субъектности государства на международной арене [15]. Проблематика построения или конструирования национальной идентичности, вплоть до выработки государственной политики в этой сфере, актуализировалась в связи с угрозами государственности и суверенитету, с секьюритизацией политики, неудачами мультикультурализма, а также негативными последствиями глобализации. Государственная политика идентичности, как и политика идентичности, имеет внутри- и внешнеполитическое измерение. Очевидна связь политики конструирования национальной/национально-государственной идентичности с исторической политикой.

Таким образом, в статье изучена динамика трактовок политики идентичности в западной политологии от ее становления в 1960-х гг. в связи с движениями за гражданские права, гендерную свободу, феминистским движением к осознанию роли политики идентичности как аспекта внешней политики государства, идентичности и субъектности государства на международной арене. В XXI в. к политике идентичности относят социальные движения, опирающиеся на феминизм, традиции антирасизма (движения MeToo, Black Lives Matter), борющиеся за возрождение коренных народов, сексуальное освобождение, за инклюзивность (к примеру, защита прав инвалидов). Так или иначе, важен учет формирования политики идентичности «снизу», от социальных групп, ведь именно таким образом идентичность социальных групп и организаций, политических партий утверждается во взаимодействии с другими политическими институтами и проявляется в публичной сфере. В статье показано, что от политической и смысловой «дисперсии» политика идентичности в западной политологии и в политической практике дрейфует в сторону признания ее влияния на развитие государственности и защиту государственного суверенитета.

Список использованных источников

1. Identity politics / Brian Duignan. – Encyclopedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/identity-politics> (дата обращения: 23.01.2025).
2. Политика идентичности: понятия, смыслы, практики: учеб. пособие / отв. ред. Л. А. Фадеева. – Пермь: ИЦ «Титул»: ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2023. – 216 с.
3. Identity Politics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. First published 2002; substantive revision 2024. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> (date of access: 23.01.2025).
4. Фукуяма, Ф. Против политики идентичности: новый трайбализм и кризис демократии / Ф. Фукуяма // Foreign Affairs. 2018. № 97. P. 90–115. – URL: <https://goo.su/EoyoS9> (дата обращения: 23.01.2025).
5. Pande, R. “Identity politics” is economic policy / R. Pande // Science. Vol 387, Issue 6731. 2025. – URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.adu9409> (date of access: 23.01.2025).
6. Lipset, S. M. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments / S. M. Lipset, S. Rokkan // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. New York: Free Press, 1967. – URL: <https://janda.org/c24/Readings/Lipset&Rokkan/Lipset&Rokkan.htm> (date of access: 23.01.2025).

7. *Tabellini, G.* Identity, beliefs, and political conflict / G. Tabellini, N. Gennaioli // VoxEU – The Centre for Economic Policy Research (CEPR's policy portal). 6 Jun 2019. – URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/identity-beliefs-and-political-conflict> (date of access: 23.01.2025).

8. Understanding Identity Politics: Strategies for Party Formation and Growth // Stanford. Center on Democracy, Development and Rule of Law. 2024 – URL: <https://cddrl.fsi.stanford.edu/news/understanding-identity-politics-strategies-party-formation-and-growth> (date of access: 23.01.2025).

9. *Исаев, Б. А.* Теория социальных расколов Липсета – Роккана и возможности ее применения для анализа первой, второй и третьей партийных систем России / Б. А. Исаев, А. С. Власкина // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2016. – Т. 12, № 4. – С. 43–64.

10. *Гришин, Н. В.* Государство как субъект политики формирования идентичности / Н. В. Гришин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3 (60). – С. 66–72.

11. *Гришин, Н. В.* Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? / Н. В. Гришин // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 231–239.

12. Brubaker, Rogers Nationalizing states revised: Projects and processes of nationalization in post-Soviet states // Ethics and Racial Studies. – 2011. – № 11, vol. 34. – URL: https://www.researchgate.net/publication/233188988_Nationalizing_states_revisited_Projects_and_processes_of_nationalization_in_post-Soviet_states (date of access: 23.01.2025).

13. The Construction of National Identity in Modern Times: Theoretical Perspective / Hüsamettin İnaç, Feyzullah Ünal // International Journal of Humanities and Social Science. – June 2013. – № 11, vol. 3. – P. 223–232. – URL: https://www.ijhssnet.com/journals/Vol_3_No_11_June_2013/24.pdf (date of access: 23.01.2025).

14. *Almagro, M.* The construction of national identities / M. Almagro, D. Andrés-Cerezo // Theoretical Economics. – May 2020. – Vol.15, Issue 2. – P. 763–810. – URL: <https://doi.org/10.3982/TE3040>.

15. Huysseune, Michel Nationalism and identity politics in International relations // Political Science. Vesalius College. 2004. – URL: <https://researchportal.vub.be/en/publications/nationalism-and-identity-politics-in-international-relations> (date of access: 23.01.2025).

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)

Ань Нань

Белорусский государственный университет, Минск

An Nan

Belarusian State University, Minsk

БАК 23.00.04

СУБРЕГИОН ЮГА АФРИКИ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

THE SUBREGION OF SOUTHERN AFRICA: APPROACHES TO DEFINITION IN POLITICAL SCIENCE

В современной политической науке до сих пор отсутствует единый подход к определению субрегиона Юга Африки, что также связано с пересечением множества фак-